

ЗНАЧЕНИЕ ЭТНОНИМА НАРОДА БУЛГАР

В работе рассматриваются наиболее достоверные варианты трактовок этнонима "булгар". Подчеркивается значительная роль монгольского и чувашского языков для расшифровки этого этнонима. Автор сопоставляет названия, но не сами народы – булгар и монголов.

Ключевые слова: булгары, Хазарский каганат, гунны, монгольский язык.

У роботі розглядаються найбільш достовірні варіанти трактувань етноніма "булгар". Підкреслюється значна роль монгольської та чуваської мов для розшифровки цього етноніма. Автор зіставляє назви, але не самі народи – булгар и монголів.

Ключові слова: булгари, Хазарський каганат, гуни, монгольська мова.

The article is examined the most reliable variants of Bulgar's ethnonim interpretations. The author has collected from 20 to 30 of these interpretations. It is chosen three of the most relevant to ancient Bulgars' views. The author considers the most appropriate interpretation "the main army." It is partly proved interpretation of the Volgarian Bulgaria residents "wise", which previously had also meaning "strong". There's also a folk etymology from the cave named "Bulgar". Thus it is called the original Bulgars representatives of military units and whole tribes who were on the Hun's service. The source of the military force were mongol-speaking peoples at first Syanbi and then nomadic Iranians. It is consolidated the main achievements of the author's research. The considerable role of Mongolian and Chuvash languages is underlined for the interpretation of this ethnonim. An author compares the names, but not people – Bulgars and Mongols. It is also compared such terms as Hun-Bulgarians and Tatar-Mongols in the Eastern Europe steppes history. It is compared the role of Bulgarians with vivid ethno-social phenomenon, as the Cossacks.

Key words: bulgars, Khazar khaganate, huns, mongolian language. ¹

Постановка проблемы. Большое внимание в исторической науке сейчас привлекают вопросы изучения этнополитических аспектов, которые относятся к времени существования в Восточной Европе Хазарского каганата (630-е/650-е гг. н.э. – кон. X/нач. XI в. н.э.). Без сомнения, исторические события, которые имели место в степях Восточной Европы в Раннее Средневековье, как и в эпоху "переселения народов", имели важное значение для дальнейших судеб указанного региона, а также сопредельных территорий. Непосредственно для уточнения времени и обстоятельств образования государства во главе с народом хазар значительным остается "булгарский" фактор [см.: 42, с. 52]. Поздние средневековые источники (например: Михаил Сириец ок. 1195 г.) указывают нам на генетическую родственность хазарского и булгарского этносов. Источники передают легенду о выходе из "Внутренней Скифии" трёх братьев, имя одного из которых было Булгариоз, второго – Хазарик, а третьего –

¹ На основе статьи: Финник С.В. Значення етноніма народу булгар // Історія та географія - вип.. 51 – Харків, 2014. – С. 84-99.

восстанавливается как Берсола или Барсил [25, с. 47]. Имена Хазарика и Барсила связываются со страной Барсилией, локализованной в степях Нижнего Поволжья, в то время как Булгариоз со своей частью народа пошел на запад. Рунические надписи, которые относятся к времени господства в отдалённых монгольских степях Уйгурского каганата (744 – 840/847 г. н.э.), свидетельствуют о тесной этнополитической связи народов барсиллов и хазар [29, с. 49]. О генетической родственности булгар и хазар правящая элита Хазарского каганата сохраняла память вплоть до конца существования своего государства [45, с. 352].

Анализ исследований. В российской историографии XIX в. было принято выводить этноним "булгар" от названия реки Волга [см.: 55, с. 54]. В советское время этимология наименования этого народа исследовалась глубже, однако количества версий было явно недостаточно [см.: 47, с. 27-29]. В работах А. П. Смирнова («Волжские булгары», 1951) и Н. Я. Мерперта («К вопросу о древнейших болгарских племенах», 1957) содержится очень много историко-археологических сведений, однако объективные факторы не позволяли авторам строить заключения относительно расшифровки этнонима «булгар» [38, с. 586-615]. По мнению В. Т. Сиротенко, булгары являются абсолютно отличным от тюрков, аваров, гуннов и др. народом и не были связаны с ними родством [50, с. 40]. Этот же автор в тот период (1961 г.) подвергает критике все этимологии, известные западным специалистам, не предлагая при этом никаких других. Влиятельный тюрколог Н. А. Баскаков анализирует версии, которые выдвигаются разными исследователями, но приводит их всего четыре или пять [см.: 85, с. 34-35]. Определяющей оказалась деятельность В. В. Полосина, который выделил четыре формы болгарского этнонима: "булгар", "булкар", "бургаз" и "бурджан" [46, с. 145]. Большой вклад в развитие этого вопроса внесли А. Б. Булатов, В. Ф. Каховский, а также Я. А. Фёдоров и Г. С. Фёдоров [9, с. 259-261; 27, с. 1-484; 54, с. 336-372]. Очень интересными являются исследования В. Ф. Генинга и А. Х. Халикова [14]. Важными для исследуемого региона Восточной Европы стали фундаментальные общеисторические работы М. И. Артамонова, А. В. Гадло и А. П. Новосельцева, которые вышли, соответственно – в 1962, 1979 и 1990 гг. Ценные замечания содержатся у Л. Н. Гумилева, поскольку свои работы он посвятил истории кочевников всей Евразии. Очень важной, по мнению автора данной статьи, является работа В. Ф. Бутбы, в которой проводится анализ происхождения этнонима «булгар» и его носителей [10, с. 169-181]. В современный период история и этнонимия гуннов и булгар продолжает исследоваться, хотя очевидна некоторая разбивка на отдельные регионы – от Азербайджана до России и Украины. Появляются работы Ю. Р. Джафарова [20, с. 8-50; 19, с. 87-93], Р. К. Бариева («Волжские булгары: история и культура», 2005), В. В. Николаева («Иллюстрированная история чувашей» в 3-х томах, 2006-2007 гг.), Т. Н. Калининой [25, с. 46-49 и др.], М. В. Горелика [15, с. 26-31], А. А. Тортики [53, с. 29-59] и других исследователей. Автор этой статьи в своих предыдущих работах проанализировал 15-ть [55, с. 53-80], после чего – 20-ть трактовок этнонима "булгар" [56, с. 45-48], однако на этом этапе исследования их уже не меньше 25-ти или даже 30-ти.

Цель статьи. Полнее раскрыть значение этнонима народа болгар, что предоставит возможность понять их реальное положение и значение в современном им кочевом обществе.

Изложение основного материала. В предыдущих работах нами были рассмотрены разные варианты написания этнонима "болгар" и доказано возможное значение компонентов, из которого он состоит [см.: 58, с. 30-34]. Кроме приведенной прежде информации известно, что некоторые арабские авторы определяют болгарский этнос, или некоторую его часть, именем бурджан или борджан. Так, Дунайская Болгария, основанная ханом Аспарухом в 680(681) г. н.э., упоминается в восточных источниках преимущественно как Бурджан [24, с. 93]. В то же время некоторые бурджаны были задействованы, независимо от Дунайской Болгарии, также в степном пространстве Волго-Донья и Сев. Предкавказья. Автор Якут ал-Хамави (XIII в. н.э.) размещает некий "город" Бурджан на Волге [9, с. 159]. Интересно, что похожим образом именуется составная часть этноса башкир, известная как бурзяне [33, с. 108]. Есть данные о том, что когда-то (еще в VIII в. н.э.) бурзяне кочевали совместно с башкирами в степях, которые протянулись от Приаралья до Южного Урала. Исследователь В. В. Полосин приводит вариант употребления этнонима болгар восточными авторами в форме "буруджан" [см.: 46, с. 145]. Интересно, что это написание позволяет, на наш взгляд, сопоставить этот вариант этнонима с племенем буругундов, которые были известны еще в сер. III в. н.э. как союзники готов в нападениях на Римскую империю, а в кон. IV – III четв. V в.в. н.э. принадлежали к гуннской конфедерации и действовали в Центральной и Восточной Европе. Этноним "буругунды", в свою очередь, можно рассматривать как основу на "буругун" или "бургун" (ср.: вариант болгарского этнонима "булкан") с добавлением иранского множественного окончания "-та" или монгольского "-ут" и, возможно, "-дур". Ю. Р. Джафаров прямо сопоставляет буругундов с булгарами, хотя достигает этого благодаря исключительно внешней схожести форм окончаний – "буругундур" и "оногундур" [19, с. 92]. В то же время, надо учитывать то обстоятельство, что исторические буругунды, тогда союзники гуннского племени ультизуфов (альциагиров?) исчезают из поля видимости античных авторов в период правления византийского императора Льва I (457-474), а болгары появляются на границах Византии, начиная с 479-го или даже 475-го гг. н.э., т.е. буквально в те же годы [51, с. 201]. Византийские дипломаты, конечно, заметили бы полную идентичность двух данных народов, если бы это было так. Данное наблюдение, без сомнений, отразилось бы и в исторических работах современников, а также их последователей. Поэтому вопрос о полной тождественности буругундов и ранних болгар мы вынуждены пока оставить нерешенным. Термин Бурджан (как и буругунды) стоит особняком среди обозначений этноса, известного в истории как болгары. Основные компоненты этнонима бурджан, который можно восстановить с арабского искаженного написания в форме "бурган" (ср.: бурзяне) подобны некоторым известным нам из собственно болгарской этнонимии. Так, первый компонент ("бур-") явным образом совпадает с уже рассмотренной нами формой – "бургары" [58, с. 31]. Второй же компонент ("-джан" или, скорее, "-ган") можно с некоторой натяжкой сопоставить с окончанием "-кан", которое редко встречается,

например, в словосочетании "булкан" ("балкан") [58, с. 35]. В. В. Полосин предлагает читать в арабском тексте вместо "бурган" (т.е. "бурджан") более для нас приемлемое – "бургар" и "бургаз" [см.: 24, с. 92]. Несмотря на это, по своим основным характеристикам термин Бурджан является, скорее, синонимом, чем вариантом самоназвания болгар. Вследствие этого название Бурджан, как и разные его трактовки, которые вытекают также из возможностей этнонимии башкирского подразделения, а раньше – самостоятельного народа бурзян, нами не рассматривается.

Интерпретация названия Бурджан (т.е. Бурган) близкая к монгольскому слову со значением "соболь" ("булган", "булаган"). Однако, если этноним бурджан (равно как и болгар) будет сводиться к понятию "собольщики", то в этом случае он приобретет в тюрко-монгольской передаче форму "булгачи" [см.: 57, с. 91], а в чисто монгольской – "булагачин" или "булагачид" [22, с. 126]. Автор этой статьи допускает то, что термин или этнопоним Бурджан (Бурган) может означать понятие "раздвоенная гора" (по-тюркски: "булкан", "балхан"; монг. "бурхан"), от которого пошло наше современное слово – "барханы". Интересно то, что местопребывание Аспаруха, одного из сыновей правителя почти всех болгар Кубрата, после его бегства от хазарской опасности на запад, связывается с "булгарскими" или "гиппейскими" горами [50, с. 34]. Этот топоним надежно отождествляется исследователями с Ергенями в районе к югу от изгиба реки Волга [см.: 53, с. 58]. После того, как приблизительно в 660-х гг. н.э. Аспарух со своими сторонниками поселился в стране Онгл (т.е. Угол), расположенной на север от Нижнего Дуная, они могли некоторое время сохранять свое бывшее самоназвание ("бурджан", "бурган"). Часть же его "орды" могла откочевать на восток от хазар, которые заняли их страну, и уже в VIII в. н.э. они стали известны в качестве предков народа бурзян (возможно: "бурган"). Кроме того, можно задать вопрос: кем были загадочные "буши" ("булхи" или же "бушк" армянского источника VII в. н.э.), которые, подобно хазарам, осуществляли нападения на земли "басликов" (барсиллов), расположенные на "Черном" острове в низовьях Волги [13, с. 62]. Логика вещей подсказывает, что они должны были быть "ордой" Аспаруха в период её могущества в степях Волго-Дона. Указанные "буши" (армянский множественный показатель для этого народа – "бушк") едва ли были башкирами, если последние, подобно бурзянам, также не были остатком разбитой хазарами "орды" Аспаруха, что вызывает большие сомнения.

В хазарской истории фигурирует некий полководец по имени Булджан (так – в армянской транскрипции, в то время как в грузинской более "распространённое" – Блучан), который по приказу кагана сделал нападение на Грузию и был казнён им за то, что не смог уберечь пленённую дочь грузинского царя [2, с. 251]. М. И. Артамонов относит это событие к походу хазар на Закавказье в 798/799 г. н.э. [2, с. 251], но учитывая то, что самая грузинская хронология этого периода чрезвычайно запутана, его можно датировать даже шире – от кон. VII к кон. VIII в.в. н.э. Автор этой статьи сопоставляет имя Булджан с этносом бурджанов (части болгар?), а самого полководца считает предводителем зависимых от Хазарского каганата северокавказских болгар. Из источников известно, что в так называемых "городах" Сев. Дагестана вместе с хазарами жили покоренные ими болгары и некие пугуры. Под последними исследователи имеют ввиду – фанагорийцев, утигуров (утургуров), огуров и, возможно, угров [13, с. 63], или тюркский народ бугу [21, с. 15]. Арабский (или скорее – еврейский)

автор ал-Мукаддаси (кон. X в. н.э.) упоминает в районе реки Итиль (Волга) некий "город" Баганд, неизвестный из других источников [26, с. 193]. На наш взгляд, его можно идентифицировать только с "городом" Бакат, который "начиная с давних времен", якобы, существовал у народа оногуров [13, с. 102]. Возможно, также именно его имеет ввиду Якут ал-Хамави (XIII в. н.э.), называя "город" Бурджан на Волге [9, с. 159]. Мы берёмся отождествлять населенный пункт или, скорее всего, "этническую область", имевшую название – Баганд, Бакат, Бурджан (а также Бурган или Буругунд?), которая располагалась где-то в районе изгиба Волги (и гор Ергеней?), с одной стороны – с названием бурджанов (бурганов, булканов, и наверное буругундов?), с другой же – с бывшей ставкой в степях Волго-Донья булгар (оногундуrow, бурджанов) Аспаруха. Возможно, это был уже "второй" Бакат (в византийском чтении также – Бакаф), потому что "первый" намного ранее этого, якобы, был разрушен землетрясением. Где вначале существовал этот Бакат из источников не совсем понятно.

Сходным с термином Бурджан можно расценивать значение этнонима "оногундуры" ("уногундуры"), который во многих случаях выступает как "заменитель" собственного названия народа булгар [см.: 57, с. 84-94]. Причины этого явления лежат за пределами возможностей расшифровки этнонима "булгар" и должны быть объяснены, исходя из абсолютно других предпосылок. Существуют многочисленные косвенные признаки близкой родственности, а, возможно, частичного или даже полного равенства между этносами и этнонимами булгар и оногундуrow, равно как и оногуров, которые в византийских источниках в связи с информацией о предыдущем наименованием булгар выступают как "уногуры", "уногуры" и "уногунны". Очевидно то, что "оногундуrow" является лишь монголоязычной формой того же тюркского этнонима "оногур", в котором еще и подчеркивается его связь с гуннами. Мы знаем, что оногуров тоже иногда сопоставляют с этнонимом хунгуrow (гунно-огуры или, точнее – "племя гуннов") [см.: 2, с. 84], но это не является аксиомой. Возможно, что название оногундуrow (оно-гун-огур?) появилась после ассимиляции в степях Волго-Донья и Сев. Причерноморья сыновей Аттилы и пришлых с востока оногуров. Окончание этнонимов на "-дуrow" также есть у кочевых племен баяндуrow, хайландуrow и, возможно, буругундуrow, которые раньше, наверное, сталкивались с носителями монгольских языков или сами были ими. Оногундурами, скорее всего, назывались все части, на которые потом поделилась Великая Булгария Кубрата [см.: 57, с. 89]. Это совпадает и с тем, что мы знаем про большую страну Оногория в Приазовье [13, с. 79, 97]. Таким образом, те кочевники, которые были оногундурами (оногурами), вместе с тем являлись и булгарами. Автор признает, что если расшифровывать название оногуров как "10-ть огуrow (огузов)", или же – "10-ть племен", то тогда действительно логическим будет трактовка этнонима "булгар" как "пять племен", т.е. "беш (бил – на чувашском языке) огур", какое приведено у Н. А. Баскакова [6, с. 35]. Возможна также близкая интерпретация – "пять (крыльев) войск". В таком случае кочевые булгары являлись как бы частью племенного союза оногуров. Для подтверждения этой гипотезы исследователи приводят данные источников о существовании 5-ти сыновей Кубрата, правителя Великой Булгарии. Однако это касается исторической ситуации II трет. VII в. н.э., тогда как этноним булгар возник намного раньше. Все же очевидно, что второй компонент в этнониме "булгар" всегда имел вид "-гар", "-кар", а не "-гур", "-огур" [58, с.

37]. В стороне остается лишь название "города" Бургур, которое, на самом деле, может быть и не связанным именно с булгарами. Бургур подчинялся хазарам уже в сер. VII в. н.э., тогда как расположенный где-то в степях Волго-Донья "город" Вабандар, который некоторые исследователи связывают с названием оногундугов (в-н-ндров, венендер, вх'ндур, огхондор), был от хазар совсем независимым [21, с. 17]. Вабандар, который подвергся нападению арабов уже после Бургура, судя по тем же источникам обладал – 40 тыс. воинов. Вполне возможно, что это и была будущая "орда" хана Аспаруха и Вабандар находился на месте, где она впоследствии располагалась вплоть до поражения от хазар.

Не исключена возможность также связи ранних башкир с прабулгарами. Некоторые лингвисты-тюркологи даже предполагают, что этнонимы "башкир" и "булгар" могут иметь идентичное значение на отличных друг от друга диалектах древнетюркских языков [6, с. 36]. Если лингвистически осуществим переход "бил" ("бул") в "беш" ("баш"), то тогда этноним башкир, как и булгар, мог означать "пять огугов/племён" или "пять (крыльев) войск". Предлагаются также трактовки – "главные (баш/бала) огуры" или точнее – "главное крыло войска". Среди башкир, кроме бурзян, есть родоплеменные группы, которые носят название – ун, унгар, ундар, уннар и т.д. [33, с. 348]. Эти группы, как и одно из самоназваний венгров – унгары, являются вариантами этнонима оногугов. Другие башкиры именуют их также гун-башкорт, считая их наиболее древними. У этой группы башкир сохранился рассказ о том, что они когда-то жили возле моря (Аральского или Каспийского?) и в районе Оренбурга – по реке Яик, т.е. Урал [33, с. 349]. Известно, что самоназвание башкир имеет не меньше 8-ми собственных этимологий, поэтому, не исключено, что окажется необходимым рассмотреть трактовку "башкёр", т.е. "росомаха" – как тотемный прародитель древних угорских народов [см.: 56, с. 49]. Однако это чрезвычайно спорный вопрос. Исследователи приходят к выводу о том, что прабашкиры были скорее не угорским, а тюркским народом, но смешанным с уграми, и при этом не обязательно принадлежали к булгарам [33, с. 104].

Современные китайцы называют болгар "бао-гуо" или даже "ба-го", на основании чего Б. Симеонов приходил к выводу, что в древности этноним "булгар" должен был звучать по-китайски – "пу-ку" или "бу-гу" [см.: 21, с. 15]. Последнее отражает название племени бугу, которое принадлежало к тюркским народам очень большой в древности группы "теле" ("дили" и т.д.). По этой версии наименование "булгар" могло быть синонимом названия "бугу", но и самые эти бугу, на самом деле, могли составлять лишь какую-то часть булгар. Ясность вносят данные из работы Михаила Сирийца, который писал в кон. XII в. н.э. Он свидетельствует, что в Сев. Дагестане хазарам было подчинено местное население – булгары и некие пугуры [13, с. 63]. Не исключено, что последние могли быть этими бугу, а название "города" Бургур каким-то образом тоже передает их этноним. В связи с этим интересно, что один из предводителей племени бугу (пу-ку) в Центр. Азии по имени Софу сулифа Кенан Баин носит титул сулифа, который встречается также и у дагестанских протобулгар [21, с. 15]. Однако титул сулифа (сылыфа) появился у народа сянь-би (сербы), часть которого когда-то жила и где-то у Волги. Есть также вероятность связи этнонимов, а сначала, возможно, и этносов булгар и "доблестного народа" булсаров. Последние, согласно руническим

надписям, были правящим племенем в государстве Саяно-Алтайских кыргызов, по крайней мере, в нач. VIII в. н.э. [48, с. 78]. Это предположение было недавно высказано в отечественной науке в связи с тем, что по одной из версий происхождение булгар связывается с пещерой в горах, которая находилась где-то на границе владений народа кыргызов [55, с. 62-64]. Однако, несмотря на то, что окончания в тюркских языках очень подвижны, относительно этнонимии, где должны господствовать определённые правила, выводы необходимо делать особенно осторожно [55, с. 65]. Поэтому вопрос с булсарами остаётся открытым.

В то же время, существует много теорий, которые связывают первичный булгарский этнос не только с тюркской языковой средой, но также – с народами, которые разговаривали на "северно-" или "восточноиранских" (т.е. скифских, сарматских и аланских) языках и имели соответствующую им материальную и духовную культуру. Булгар связывают с сарматами (аланами), жителями Памира и даже Северной Бактрии, а их этноним с Балхом (Бактрами), Балхарою (Бухарой) и др. [21, с. 30]. Булгары под именем «балхики», якобы, известны как переселенцы в Индию и, таким образом, были связаны с эфталитами. Последние, скорее всего, происходили от «остаточных» в Центральной и Средней Азии кочевых иранцев (юэчжей-тохаров), но были известны ещё под именем «белые гунны». Очевидно, ни один кочевой народ в Средней Азии уже с кон. I в. н.э. не оставался несмешанным с хунну (гуннами), которые начали в это время интенсивно мигрировать из Монголии и Джунгарии на запад, особенно после поражения ок. 156 г. н.э. от своих прежних данников, а потом мощных врагов – монголоязычных племён сянь-би (т.е. серби) и их талантливое предводителя Таншихая (Таньшихуая) [17, с. 258, 610].

Ранние тюркоязычные племена так называемого "гунно-булгарского круга" [20, с. 7] оказались настолько смешанными с сармато-аланским населением (имели тот же обычай деформации голов и культуру степных иранцев), что достаточно долго в науке время с сер. II в. н.э. по III четв. IV в. н.э. в Вост. Европе и даже в Казахстане называлось позднесарматским периодом и лишь недавно стало рассматриваться как гунно-сарматский период [8, с. 256]. В Дагестане некоторое время сохранялось царство родственных аланам маскутов (название от древних массагетов) и еще в 330-и гг. н.э. гунны могли вторгаться в страны Закавказья лишь в союзе с ними или под их верховенством [20, с. 12]. Наиболее подверженными ираноязычному влиянию позднее являлись гунны-маскуты (или масаха-гунны), которые с сер. I тыс. н.э. (425 г.?) жили на юге от Дербента и рано оказались оторванными от своих степных родственников [13, с. 69]. На север от них и Дербента располагалось известное во II пол. I тыс. н.э. "царство гуннов (хонов)". Во времена же Аттилы (434-453) армянские источники фиксируют там племя гуннов-хайландуров, которое было союзным или же подчинялось этому завоевателю. От них же, вероятно, степная часть Сев. Дагестана имела название Алуандрия (искажённое – Агуандрия). Часть исследователей связывают её с гидронимом Аландон (или ещё река Алонта), который получил название от имени аланов, а другие – с этнонимом оногундуров (оногуров) [см.: 13, с. 56]. На наш взгляд, между этнонимами "хайландур" и "оногундур" т.е. "оногур") не может быть других связей, кроме своего окончания. Скорее всего, этноним "хайландур" должен отражать гуннское название аланов ("хайлан" или "хайлын"?) с монголоязычным (от сянь-би или

серби) или гуннским же окончанием на "-дур" (ср.: оногундур, буругундур). Венгерское название аланов было "варшань" [60, с. 215]. И, на наш взгляд, оно совпадает с наименованием столицы "царства гуннов" – городом Варачан. Таким образом, гунны-хайландуры могли происходить именно от гуннов и тех аланов, которые прежде жили в регионе реки Аландон (современные – Терек или Кума?) в Сев. Дагестане. Большое влияние иранского (в частности, аланского) языка на тюркский – чувашского ("булгарского") типа, имело место в Сев. Предкавказье и степях Волго-Донья. Именно в этом регионе был впервые зафиксирован этноним "бурджан" ("бурзьян"), который был заменителем названия части болгаров – в том числе, среди тех, кто в 660-е/670-е гг. н.э. переселился на Нижний Дунай вместе с Аспарухом. Скорее всего, благодаря ираноязычному влиянию появился также вариант исследуемого нами этнонима в форме "бургары" в Предкавказье (где они имели в сер. VI в. н.э. и свои "города"). Не исключено, что это население вышло из региона Памира или Восточного Прикаспия.

Существует привязка болгар, а также родственных им суваров, к бассейну реки Тарим, где были засвидетельствованы, кроме иранских языков, так называемые "тохарские", которые относятся к индоевропейской языковой семье, и топонимы – Пулэй, Билу, Бугур и др. [43, с. 31]. Петър Добрев указывает на то, что распространённое в болгарских надписях на Дунае слово "маки" имеет сходство с "тохарским" (язык так называемого "кельтского" типа) понятием "сын"¹. Однако он всё же определил древнебулгарский язык (особенно на Дунае) как восточноиранский, который является родственным памирским языкам иранской группы, и именно так считает большинство современных болгарских ученых [см.: 21, с. 30-33]. Иногда также подчеркивается связь булгаро-суварских племён с царством Чешы (Чаши; отсюда, якобы, пошло название – "чоаш" и "чуваш"), расположенным в Турфанском оазисе на север от реки Тарим [23, с. 25-26]. Однако реально название "царства" Чешы (как "переднего", так и "заднего" его "отделов") является всего лишь династийным и иногда полностью менялось. Автор этой статьи абсолютно оставляет в стороне возможность соотношения этнонимов народов булгар и суваров (савиров, сувазов, чувашей) с шумерскими переселенцами (заявленная цепочка: Субарту – в Передней Азии, Су-Бэй-Си – на реке Тарим и Сувар – уже в Дагестане и на Волге), равно как и отождествления наименований кутургуров (кутригуров) из степей Сев. Причерноморья и древних кутиев (гутеев) с гор Загроса [см.: 43, с. 14-26]. Все эти утверждения с лингвистической и исторической точки зрения являются необоснованными, чтобы связать с шумерами или другими возможными выходцами из Передней Азии именно суваров и булгар. Однако очень важными выступают связи многоэтничного населения оазисов в районе реки Тарим с гуннами (тогда еще хунну) и их конфедерацией, которая отступала в конце I в. н.э. из степей Монголии, а ок. 156 г. н.э. уже из Джунгарии и Вост. Казахстана под нажимом воинов племён сянь-би (транскрипция: "серби") и армий Китая.

Очевидно, ещё до известного нам прорыва конфедерации гуннов в 370-х гг. н.э. на запад, в Вост. Европе уже находились тюркоязычные гуннские (в том числе – буругунды) и даже монголоязычные сяньбийские племена (серби – у Клавдия

¹ Наиболее ярко тохарскую теорию представил и обосновывал с помощью источников болгарский исследователь Живко Войников. Автор этой статьи посоветовал ему издаваться на Украине, в том числе участвовать в VIII Дриновских чтениях.

Птолемея ок. 175 г. н.э. к западу от Волги), которые частично усвоили культуру сармато-алан. Есть мысль, что некоторые булгары появились в Вост. Европе еще с гуннами [41, с. 69]. Однако самым ранним упоминанием этнонима "булгар" считаются данные латинского Хронографа 354 г. н.э. [54, с. 338], хотя в науке существует определенное недоверие к самому характеру информации указанного источника [см.: 53, с. 31]. В то же время, есть данные о том, что название булгар существовало ещё в эпоху гуннов. Во-первых, в лангобардском источнике у Павла Диакона (кон. VIII в. н.э.) говорится о столкновении на Среднем Дунае германского племени лангобардов с некими булгарами, которые хронологически должны относиться к кон. IV в. н.э. или нач. V в. н.э. [2, с. 79; 51, с. 195; 37, с. 162]. Нам известно то, что гунны где-то около 378 г. н.э. заняли большую часть степной Венгрии на Среднем Дунае и стали даже осуществлять походы на римскую провинцию Паннония [52, с. 42]. Однако почему-то могущественными врагами переселяющихся лангобардов названы совсем не гунны, а некие тогда ещё никому не известные булгары. Почему же такое имело место? На наш взгляд, это было связано с тем, что статус булгар во времена гуннов можно было сравнить с положением казаков на службе у более поздних европейских государей. Коренные гунны и их правители использовали военные группировки, в том числе булгар, которые присоединились к ним, для поручения им особенно трудных задач и так называемых "невыполнимых операций" (на поле боя, например). Кроме войны со слабыми тогда ещё лангобардами булгары принимали участие и в других конфликтах того времени. Об этом мы знаем только из малоизвестного "жития Далмация" (умер в 436 г. н.э.), где частично рассказывается о битве римской армии императора Валента, которая произошла под Адрианополем 9 августа 378 г. н.э. – также почему-то с булгарами [50, с. 17]. Хотя большинство других источников свидетельствуют о том, что основным противником римлян в этой битве были готы (визиготы, а также остrogоты и аланы Алатея и Сафрака) [1, с. 516], всё же часть данных говорит в пользу того, что она не могла быть выиграна без участия подвижных контингентов гуннов [37, с. 46; 52, с. 41], а "житие Далмация" утверждает, что именно булгары стали причиной гибели императора на поле боя или сразу после того. Таким образом, можно сделать вывод о том, что булгары принимали участие в походах гуннов уже на раннем этапе их проникновения в Восточную и Центральную Европу.

Уже позднее основные политические институты булгар, очевидно, были унаследованные ими от народа гуннов или хунну. Правящий булгарский, а, возможно, раньше и гуннский род Дуло на самом деле можно связать с названием реки Тола (Туул) в Центр. Монголии, на которой ранее находилась ставка правителя государства хунну [см.: 10, с. 174]. Однако надежно название булгар появляется лишь после исчезновения государства гуннов Аттилы (434-453) и его сыновей. После короткого периода господства в Вост. Европе акациров [см.: 53, с. 31], около 463 г. н.э. все европейские гунны подверглись нашествию с востока племен оногуров, сарагуров и урогов, которые происходили из той же этнической среды. А. Х. Халиков считает, что группа племен, которая тогда вторглась, была наиболее "аборигенной" среди гуннов, сильно смешанной с уграми [59, с. 17]. Последнее особенно касается савиров (сувары, саварты), которые где-то в начале VI в. н.э., потеснив оногуров и другие племена, стали хозяевами в Сев. Дагестане и Нижнем Поволжье вплоть до 550-х гг. н.э. [20, с.

33]. После этого савиры были разбиты аварами, потом в кон. 560-х гг. н.э. Тюркским каганатом (551-657) и вынуждены были частично отдать свои земли барсило-хазарскому объединению, а со временем и правящему этносу могущественного Хазарского каганата. Со временем кочевое население Вост. Европы, которое имело наименование гуннов, а также те племена, которые пришли позднее (кроме савиров и акациров, а потом и хазар), закономерно становятся булгарами, хотя все они имели свои собственные многочисленные этнические названия. Кроме того, некоторое время название "гунно-булгары" в степи указанного региона было настолько же исторически закономерным, как и в более поздний период наименования монголо-татар. Роль булгар среди гуннов того времени была подобна положению татар в монгольском войске намного позднее этого.

Необходимо также поднять вопрос соотношения этнонима булгар (в арабском источнике, как и ранее – "б-н-джер") и неких "беленджер", которые в работе ат-Табари (IX в. н.э.) о событиях сер. VII в. н.э. были названы одновременно. Имеется в виду описание ранних арабских походов на территорию Вост. Европы. Наверное, именно наличие общей внешней угрозы со стороны арабов, как раз и позволило народу хазар, который не имел до этого решительного преимущества в регионе, объединить усилие окружающих племён степного Дагестана и Нижнего Поволжья и укрепить основы собственного государства [42, с. 56]. Этническое происхождение, как и политическая принадлежность народа "беленджер", второго среди названных ат-Табари, вместе с булгарами (бунгарами) и хазарами, в науке до сих пор является загадкой. Существует версия, которая отождествляет "беленджер" с оногурами, а "б-н-джер", соответственно – с огурами [см.: 21, с. 26]. Однако такой взгляд едва ли выдерживает серьезной критики. Уже давно в историографии утвердилась мысль о том, что часть беленджерцев, вместе с савирами (суварами), барсилами и, наверное, какой-то частью булгар, мигрировала приблизительно в сер. VIII в. н.э. в район Среднего Поволжья. Именно там некую общину баранджаров застаёт в I четв. X в. н.э. в составе Волжско-Камской Булгарии посол Арабского халифата Ахмед ибн-Фадлан [40, с. 67]. Характерно, что в работах других арабских историков того времени баранджары, как и сувары, которые произошли от савиров Сев. Дагестана, не названы в числе превосходящих этнических единиц, которыми были булгары, барсилы и эсегел [см.: 55, с. 56].

Анализируя этнонимы беленджерцев и баранджаров, исследователь А. В. Гадло пришел к выводу о том, что их название отражает распространённый военно-административный, монгольский по происхождению, термин "барунгар", который означает "левое" [13, с. 124] или, точнее – "правое крыло" [см.: 35, с. 197]. В связи с этим напрашиваются аналогии с кочевыми империями, в которых, начиная с периода существования государства народа хунну (со временем – гуннов) в Монголии – с кон. III/нач. II в.в. к н.э. по кон. I в. н.э., присутствовала административно-территориальная система, которая делила государство на центр и два "крыла", где "левое" традиционно считалось более значащим и сначала всегда имело восточное расположение [32, с. 56]. Есть информация о том, что в некоторых источниках тоже "город" (Беленджер) в Сев.-Вост. Предкавказье обозначен как Балкар-Балх [21, с. 23]. Очевидно, есть непосредственная связь этого топонима с историческими булгарами. Таким образом,

Барунгар (т.е. Беленджер), возможно, является лишь синонимом для названия реального "города" или, точнее – ставки правителя (эльтебера; сулифа или солифана) "правого крыла". Однако, если существовало "правое крыло", то где же тогда находилось "левое"? Этот подраздел в тех же монгольских языках имел традиционное наименование Джаунгар (джунгары, Dzhagun Gar) [35, с. 197]. Имело ли место похожее название на территории степей Вост. Европы?

Оказывается, такой термин существовал, хотя и не был замечен исследователями. В армянском источнике VII в. н.э. действительно встречается некий северный этноним – Чунгарс или чунгары [см.: 44, с. 82]. Местоположение этих чунгаров (т.е. джунгаров) определено к западу от савиров и некоторой реки Талта (Талд). В этом случае едва ли имеется в виду Тобол, как это считал А. П. Новосельцев [44, с. 82]. В одном византийском источнике река Волга названа Тил [13, с. 100], что достаточно сходно с произношением Талта. В пользу этого свидетельствует и то, что автор "Армянской географии" VII в. н.э. применяет по отношению к Волге несколько названий (Атль, т.е. Итиль; Ира, т.е. Ра), в том числе и давно устаревшие [см.: 53, с. 70, 71]. Таким образом, указанные чунгары должны были размещаться к западу от Волги – в степях Волго-Донья или в Сев.-Вост. Предкавказье. Для более узкой локализации тот же источник сообщает, что рядом с чунгарами жили народы – хонов и менд [44, с. 82]. Под первыми, конечно же, имеются в виду гунны (ср.: унны, хунну) Сев. Дагестана, столицей которых был Варачан (это Беленджер или другой "город"), второй же этноним ("менд" или "мсндр"), скорее всего, скрывает название "города" Семендер, который размещается арабскими авторами в том же регионе [31, с. 190, 193]. На основании этого мы можем сделать вывод о том, что система "крыльев" ("барунгар" или беленджер, а также – "джунгар" или чунгаров), которая отбивала идеологию стариков кочевых империй, типа государства народа хунну, на самом деле существовала, но занимала в Вост. Европе сравнительно небольшую территорию степей Волго-Донья или лишь Сев. Дагестана. Мы никак не можем допустить, что эта система была характерна для всей Великой Булгарии, если только она не была остатками представителей когда-то большого государства, которые отступили под натиском хазар. Скорее всего, эта система "крыльев" отражала реальность известной из многих армянских, арабских и др. источников "страны гуннов (хонов)" (хайландуров?), расположенной в Сев. Дагестане. Монгольские административные термины говорят нам о значительной роли тех сяньбийцев (серби и др.?), которые должны были прийти еще в сер. II в. н.э., и их потомков. В то же время некоторые авторы отмечают, что эту "страну" можно было связать не только с гуннами, но и с булгарами, а "город" Беленджер, якобы, имел другое название – Балкар-Балх [21, с. 23], а точнее – Балкар (Булхар) или Балх [31, с. 197]. Также для этого региона зафиксирован и монгольязычный термин бунгары (арабское "б-н-джер"), который принадлежал части болгар. Этноним "бунгар" приводит и Низами Гянджеви (XII в. н.э.) в поэме "Искандер-наме" [9, с. 260], но он писал уже не по-арабски (с возможными искажениями; ср.: "б-н-джер"), а на языке фарси, т.е. по-персидски.

Этноним "баранджары" можно найти также на территории Кимакского каганата. Название "Баранджар" фигурирует на карте ал-Идриси (сер. XII в. н.э.), наверное, в числе 11-ти (ранее – 7-ми) "провинций", которые составляли этнополитическое

объединение кимаков. Мы не знаем, являлись ли оба указанных "племени" баранджаров частями одного когда-то единого этноса, или же их названия были обусловлены одноименным монгольским понятием. В связи с этим заслуживает внимания версия в пользу того, что правящая верхушка Кимакского каганата, т.е. собственно кимаки, происходит от монголоязычного народа кумохи (кумоси, хи или татабов/тата-би) [см.: 4, с. 108]. Это был народ, который происходил от части монголоязычных киданей и населения государства Юйвэнь [11, с. 139]. Последнее располагалось в Южной Маньчжурии, где жили также монголоязычные ухуани, и во главе неё находился хуннский род под названием Юйвэнь [17, с. 364]. В состав Кимакского каганата (сер. IX – I четв. XI в.в. н.э.), расположенный в казахских степях с центром в районе реки Иртыш, входили как тюркоязычные народы (кипчаки, йемеки, часть уйгуров, аджлад/азлар и др.), так и монголоязычные (также – баяндур) этнические группы [4, с. 116]. Нас интересует одно из упомянутых 7-ми племён их первичного племенного союза – линиказ или же нилказ [34, с. 32]. Неустойчивость их этнонима и его очевидная не характерность для степных племён может поставить вопрос о том, не существовало ли их наименование, скорее, в форме "билказ"? В этом случае оно было бы сходно с самоназванием дунайских булгар (т.е. българ) и балкарцев (т.е. балкьярлылар, малкьярлылар) [58, с. 31-33]. Похожим с этим можно считать туркменское – "бургаз" или "бурказ". В этом случае можно было бы объяснить происхождение названия озера (в тюрк – моря) Балхаш, которое, скорее всего, связано именно с болгарским этносом. В современной туркменской этнонимии – "бургаз", как родоплеменная единица, является следом влияния древних булгар на этнос туркмен или раньше – огузов [3, с. 35]. Похожим является название села Бургаз (Бургуз) в Иркутском районе Прибайкалья (Байкальского края).

В связи с раскрытием нами вопроса о реальном содержании этнонимов "бурджан" ("бурган") и "беленджер" ("барунгар"), хотелось бы вплотную подойти к решению вопроса об изучении наименования собственно булгар (бунгар, бургар и др.). Раньше автор этой статьи был приверженцем той версии, что этноним "булгар" означает "смутьяны", "бунтовщики" и т.д. [55, с. 87; 56, с. 49]. Он привязывал их к гуннской конфедерации, отождествляя большую часть гуннов, в названиях племен которых очень часто выявляется окончание "-гур", с племенным объединением, или точнее – с группой племен огузов. Кроме того, допускалась дальнейшая трансформация этнонима и этноса огузов в более поздних огузов, которые жили на той же территории [55, с. 87]. Существующая у огузов в Казахстане и Средней Азии чётко благоустроенная система из 24 племен, которая разделяла их на два "крыла", сопоставлялась автором с близким институтом, который был у древних хунну в Монголии. Предполагалось, что в конфедерации гуннов (до Аттилы?) должен был присутствовать тот же принцип. Кроме того, автор сравнивал этносы и этнонимы башкир и булгар. Определяя некоторое "окраинное" положение и одновременно этнополитическую связь башкир с огузами, автор считал, что подобные отношения могли сложиться (а вернее, параллельно шли вглубь веков), также между гуннами (огурами) и булгарами. Таким образом, булгары – это те племена, которые вышли или же были исключены из чётко определенного и лимитированного количества племён гуннов или огузов [55, с. 87; 56, с. 49]. Однако в наших источниках нет информации о наличии системы 24 племён и двух "крыльев" у

европейских гуннов. В среде огурских племен, которые в сер. V в. н.э. пришли на смену гуннской конфедерации, намёк на их количество содержится лишь в названии оногуров, что надёжно трактуется как "10 племён" [6, с. 39], и еще у гуннов-ультизугов (не исключено – "6 племён"?) [43, с. 102]. Кроме того, зависимость башкир от огузов была обусловлена исключительно поражением, которое они понесли от тех в степях Приаралья и Нижней Сырдарьи в период между кон. VIII и кон. IX вв. н.э. К тому же башкиры (баджгард) ранее входили вместе с племенами баджна (йджни?) и нукарда (нёкёр?) в союз, возглавляемый печенегами (баджанакнами), хотя сами часто страдали от них же [44, с. 195].

Сейчас автор в своих исследованиях придает решающее значение тому, что второй компонент в этнониме "булгар" явным образом является монгольским словом "гар" (или "кар"; отсюда тюркское и венгерское "кол", "гол" и чувашское "хул", "хол") – "рука". Со временем это слово приобрело значение "крыло" (в значении части военного порядка) или просто – "войско". В связи с этим надо учесть присутствие большого количества "монголизмов" в чувашском языке, что является остатком значительного давнетюркского населения, к которому относят такие народы, как булгары, хазары и много других [5, с. 124]. Имеющиеся связи чувашского и подобного ему языков с языками тунгусо-маньчжурских племен, которые жили далеко на востоке [49, с. 41]. Так, эвенкийское слово "gule" – "хата" имеет соответствие чувашскому "кил" – "дом", и, кроме того, находит параллели в хазарском языке, где топоним Саркел ("сар"+"кел") означает – "белый дом" или "белая крепость" [49, с. 42]. Таким образом, можно подтвердить о том, что языкхазар также имел особенности, которые роднят его современным чувашским языком так называемой "булгарской группы" тюркских языков.

Если нам известен второй компонент исследуемого этнонима, то которым же должны быть первый? Мы уже видели, что в решении этой задачи можно сразу же отвергнуть трактовку этнонима "булгар" как "пять (крыльев) войск". Можно также придирчиво отнестись и к варианту – "смешанное войско" ("булга"+"гар"), поскольку сложно предположить наложение друг на друга сразу двух компонентов, даже если существует англоязычная транскрипция города Булгар на Средней Волге в форме *Vulghar* (см.: Худуд ал-алам, около 985 г. н.э.). Подобной же выглядит версия А. П. Новосельцева: "булгары" – это "смешанные угры" [44, с. 72], наверное, с поправкой на то, что слово "огур", которое он предполагает вместо "гар", не является отражением этнонима только угров. На самом деле, предки венгров, а также хантов и манси (т.е. угров), часто воспринимали или вынужденно "усваивали" этнонимы тюркских племён, с которыми они состояли в тесной этнополитической связи. В частности с венграми (прежнее самоназвание – мегери, медьер, мадьяры) можно связать не менее чем 15-ть этнонимов (гунны, хунугуры, оногуры, савиры, огуры/угры и т.п.), которые отражают их связи с другими народами, истинные или воображаемые [см.: 56, с. 50].

Но самое большое доверие, на наш взгляд, заслуживает версия о том, что первый компонент в этнониме "булгар" имеет значение "великий", "главный", "значительный", "могущественный" и т.д. Отражает это понятие, по мнению исследователей, иранское слово "бала" ("бол" и др.) [см.: 6, с. 36; 59, с. 17]. А. Б. Булатов, который был приверженцем этого трактовки ещё в 1965 году, приводит похожее по значению монгольское слово "мон" или "ман" [9, с. 260]. Монгольскому понятию с таким

значением соответствует чувашское слово "мӑн". Такое понятие, по мнению А. Б. Булатова, задействовано в целом ряде топонимических названий – Ман Коль, Мангуп, Маныч, Манкут, Мангишлак, Манас, Мангат, Манкерман и т.д. А. Б. Булатов считает возможным отнести к тому же ряду этноним мангытов/мангутов монгольского происхождения [9, с. 260]. На наш взгляд, сюда же можно добавить этноним самых монголов. Более того, его варианты, известные из источников и современной этнографии – мунгалы, монгоры и т.д., позволяют смело отождествлять наименование монголов и болгар (бунгар, бонгар). В тюркских языках замечается переход согласного звука "м" на "б" и наоборот. Таким образом, имя кагана уйгуров Моянчура (747-759) легко может читаться и как Баянчор и т.д. [см.: 56, с. 49].

Чувашский и подобные ему – древние тюркские языки "булгарской группы", как мы видели, находятся на стыке тюркских и монгольских, а также тунгусо-маньчжурских языков. Формирование предков чувашей и носителей их языков исследователи относят к региону Забайкалья и Юго.-Вост. Монголии [49, с. 41]. Как раз в Забайкалье ещё в начале нашей эры существовал мощный форпост государства народа хунну, известный в науке как Иволгинское городище [32, с. 87]. Булгарами (бунгарами или мунгарами?) сначала могли называться племена, или отдельные войсковые подразделения, которые присоединились к "имперским" хунну (со временем на западе – гунны) еще на территории Монголии и Забайкалья. В кон. I в. н.э. указанный регион был отвоёван в хунну монголоязычным народом сянь-би (серби), что привело к еще большему взаимодействию тюркского и древнемонгольского языков. Нам знакомо, что многие гунны остались жить под властью сянь-би [17, с. 609]. Часть ранних болгар (бунгар) могла остаться среди гуннов (хунну) в Забайкалье, выступив со временем как предшественники исторических монголов. Некоторые данные говорят о том, что своё название древние предки монголов получили от какого-то другого, когда-то могущественного народа, который мог также жить в том регионе. Ими могло быть "остаточное" (гуннское, болгарское?) население, которое имело возможность сохранить свой этноним в форме "бунгар" или "мунгар" и т.д.

О смешении разных этнических компонентов свидетельствует также трактовка имени победоносного предводителя гуннов в последней трети IV в. н.э. – Баламбера, которое А. Б. Булатов убедительно выводит от иранского "бала" – "великой" и древненемгерского "эмбер" – "человек" [9, с. 259]. Скорее всего, его имя является прозвищем, которое возникло благодаря продолжительному пребыванию возглавляемых им гуннов именно в угорской среде. Ещё Л. Н. Гумилев предполагал, что в своем движении на запад народ хунну смешивался с древними уграми, благодаря чему и возникли собственно гунны [17, с. 265]. Автор этой статьи также связывал бы топоним Мангазея на далеком севере Зауралья с названием "булгар", в том случае, если будут доказаны заимствования этого слова самодийскими народами (энцев и ненцев) от более ранних в этом регионе североугорских (ханты или манси) этнических групп.

Этноним "булгар" в связи с этим приобретает значение "большое" или "главное войско". Интересно, что аналогичным является одна из трактовок этнонима акациров, относящегося ко времени владычества гуннов в Вост. Европе, значение которого – «старшая дружина» или «старше войско» («ака»+ «чериг»/«чери»/«цери») [6, с. 33]. В

таком случае здесь заметна одна и та же тенденция. Можно даже предположить соперничество между собой обеих этнических групп, поскольку из работы Иордана мы знаем об их одновременном существовании еще в сер. VI в. н.э. Тогда, наверное, это было и диалектное соперничество, поскольку понятие войско мы имеем в двух вариантах. Акациры определённо занимали (до 463 г. н.э.?) и Сев. Причерноморье, поскольку даже в Горном Крыму существовало, вместе с готским и аланским, некое княжество "охоцир", однако А. В. Гадло относил к ним и будущих исторических хазар, которые сначала базировались в понизовьях Волги [13, с. 59-61, 69]. Интересно также трактовка названия одного из коренных племён гуннов той эпохи – альциагиров. Согласно Н. А. Баскакову, их этноним означает "племя мужчин (людей – "ар"), которые добывают себе добычу" [6, с. 34]. Это также типологически близко нашим этимологиям как болгар, так и акациров. Закрепление за отдельными этническими группами подобных самоназваний или же иноэтнонимов, закономерно отражает ту стадию развития, на которой находилось кочевое общество этого периода. Наиболее важным считалось участие в грабительских походах на оседлое население или же на соседние государства с земледельческой культурой, от успеха или неуспеха которых часто зависело благосостояние семей, родов и даже целых племён кочевников [37, с. 438].

Существует не менее, чем два взгляда на утверждение этнонима болгар в Вост. Европе. Согласно А. В. Гадло племена, которые пришли около 463 г. н.э. с востока (оногуры и др.) и победили акациров, ассимилировали также племя болгар, которое уже жило в Сев. Предкавказье, и со временем, возможно, получили их имя [13, с. 56]. М. И. Артамонов и его школа позволяют предполагать, что болгарями назывались все племена, которые возникли в результате многочисленных этнических смешений (особенно тюрков с уграми и т.д.) [см.: 2, с. 62; и др.]. Очевидно этноним "болгар" действительно является именно обобщающим названием. Однако то, с чем оно могло быть связано длительное время оставалось загадкой. Понятно, что болгары не были этническим массивом, потому что скорее эта роль принадлежала огурам (восточная их часть, очевидно, носила название теле или огузов). Они не были также объединением племён, потому что такими выступают оногуры, савиры, печенеги и др. Болгары не могли быть и отдельным племенем, как считают некоторые. Действительно, племя могло увеличиться, а его название распространиться на другие народы, как это вышло в случае с хазарами и тюрками (тюркютами). Названия этих отдельных племён, как и название гуннов (хунну) со временем сделались политонимами. Однако мы знаем, что распространение названия "болгар" в Вост. Европе имело место раньше, чем возникло само государство, которое получило их имя. Период объединения болгар в единое государство не был очень продолжительным. Великая Болгария контролировала огромную территорию вплоть до Волги на востоке (где потом какое-то время была расположена "орда" Аспаруха, в которую входили и бурджаны), и очевидно, что до самой смерти Кубрата хазарское государство, которое только зарождалось, находилось на грани своего существования. Не совсем ясно то, было ли "царство гуннов" в Сев. Дагестане, где тоже жили болгары, которые ещё носили название бунгаров, в некоторой зависимости от болгар Кубрата. Уже после смерти своего основателя Кубрата (вероятно, около 660 г. н.э.) Великая Болгария была разорвана на части и не выдержала неожиданного удара со стороны хазар. Но имя болгар

продолжало оставаться в степях Вост. Европы ещё длительное время, хотя их история в этом регионе так и пошла по сугубо этническому, а не по этнополитическому пути [см.: 53, с. 31]. Полного этнического единства болгар в Вост. Европе всё же не было. Исследователи отмечают, что языки дунайских и волжских болгар значительно отличаются один от другого [см.: 7, с. 25].

Выводы. Процесс этногенеза болгар на огромной территории Вост. Европы вошел в общее русло лишь на короткое время в период правления Кубрата в государстве Великая Булгария (ок. 630 – возможно ок. 660 гг. н.э.). Однако название болгар со всеми возможными разновидностями задолго до этого охватывало много племён региона, слабо связанных между собой. Это были тюркоязычные, ираноязычные, а также монголоязычные и возможно даже тохароязычные (из обл. реки Тарим) этнические единицы. Именно этим может объясняться то культурное многообразие, которое наблюдается в степных археологических памятниках того периода. Однако, несмотря на существующую этнокультурную дифференциацию, большинство степных племён с гордостью носило общий этноним "булгар", хотя и с известными вариациями. Существуют этнонимы кочевников, которые отображают определённые претензии и, по нашему мнению, "булгар" был одним из них, потому что его носители не старались сохранить за собой название могущественных гуннов. Причиной этому была обусловленная общность судьбы и этносоциального положения, которое болгары когда-то занимали в гуннском обществе. Сначала они представляли собой отдельные военные подразделения, которые входили в армию государства хунну в Монголии, а потом – в довольно неустойчивую гуннскую конфедерацию в Вост. Европе для осуществления общих грабительских нападений на земледельческое население соседних стран и народов. Вскоре господствующее положение гуннов в западной части степей исчезло. Мелкие этнонимы постепенно растворились сами, а также вытеснялись конкурирующие с булгарами этнические группы в степях Вост. Европы: акациров, возможно – савиров и некоторое время даже хазар. Только благодаря случайному стечению обстоятельств и ослаблению Великой Булгарии хазары смогли занять лидирующее положение в регионе и нанести булгарам победоносный удар. В ином случае благодаря своему политическому господству болгары после VII в. н.э. получили бы ещё большее распространение, а не стали занимать удобные ниши на окраине обширного степного региона. В период Хазарского каганата болгары жили в непосредственной близости от господствующих в государстве хазар. Прежде всего, это связано с регионом Сев. Дагестана и со степным Предкавказьем. Мы знаем, что в городах "царства гуннов" в Дагестане под властью хазар жили болгары и пугуры (тюркоязычные бугу или некие огуры, от которых могло происходить название города Бургур). Имя хазарского полководца – Булджан (Блужан), по мнению автора, отображает этноним тех бурджан (булгар), которые раньше входили в состав орды Аспаруха в степях Волго-Донья и в районе гор Ергеней ("булгарские горы") в современной Калмыкии. Там же, где-то возле Волги, еще продолжительное время был расположен город Баганд (Бакат, Бурджан или Вабандар).

В науку уже давно вошло понятие "племена гунно-булгарского круга". Это определение отображает особенности положения не только в постгуннский или, как

иногда ещё говорят, в предхазарский период, но и в гуннское время. Скорее всего, коренные гунны использовали военные группировки, которые присоединялись к ним, для поручения им особенно трудных задач и так называемых "невыполнимых операций" (на поле боя, например). Роль булгар во времена гуннов была якобы "вспомогательной", но в то же время и "основной". В связи с этим автор статьи сопоставляет зафиксированные в историографии названия гунно-булгар, а также хорошо всем известных монголо-татар. Со временем во главе булгар стал правящий род Дуло, происходившего, вероятно, из гуннской правящей элиты. Наименование Дуло могло быть обусловлено названием реки Тола (Туул) в Монголии, на которой когда-то располагалась ставка правителей государства хунну. Статус булгар во времена гуннов можно было сравнить ещё с положением казаков на службе у европейских государей. Как раз поэтому именно булгары, а не гунны, упоминаются как враги лангобардов – где-то на границах "германского мира", возможно в степной Венгрии в скором времени после 370-х г. н.э. Впервые этноним "булгар" упомянут в римском хронографе 354 г. н.э. Благодаря малоизвестным раньше источникам мы знаем о решающем участии булгар в Адрианопольской битве 378 г. н.э. с римской армией в составе гуннских всадников, которые пришли тогда на помощь вестготам. Один источник косвенно касается участия в этой битве гуннов, а второй ("житие святого Далмация") утверждает, что убийцами императора Валента были именно булгары.

Таким образом, булгар можно назвать и военными наемниками (федератами) гуннов. Сюда могли входить как отдельные военные отряды, так и целые племена (особенно со временем – на западе). Сначала в состав булгар, может еще в рамках государства хунну, по мнению автора, вливались именно монголоязычные контингенты, которые набирались, возможно, где-то в районе Забайкалья или Юго-Вост. Монголии. Так чувашский язык, который, скорее всего, является близким языком племён ядра гуннской конфедерации, до сих пор имеет наибольшее число монголизмов среди тюркских наречий. Большую роль в появлении среди булгар монголизмов сыграли и сяньбийцы (т.е. серби), часть которых уже в сер. II в. н.э. могли даже перейти реку Волгу и поселиться в Вост. Европе. Уже в то время, а тем более с 370-х гг. н.э. в Северном степном Дагестане появилось этнически смешанное общество, которое со временем к VII в. н.э. составило так называемое "царство гуннов". Ранее там же были известные гунны-хайландуры, этноним которых, по мнению автора, презентует ираноязычный народ аланов с монгольским или гуннским этническим окончанием на "-дур". Южнее же гуннов Дагестана, а также Дербента во II пол. I тыс. н.э. жили также смешанные гунны-маскуты (т.е. массагеты, родственные аланам) или масаха-гунны. В Сев.-Вост. Передкавказье длительное время господствовала древнемонгольская (т.е. сяньбийская, которая была тоже раньше заимствованная от хунну) государственная система так называемых "крыльев" ("левого" – джунгар и "правого" – барунгар, от которых идут известные нам восточноевропейские этнонимы чунгаров и беленджерцев или баранджаров, которые жили в Дагестане и на Средней Волге).

Наиболее древней формой существования этнонима "булгар" автор считает произношение "бунгар" ("бонгар"), что становится понятно на примере постепенной его трансформации в арабских источниках. Оно же дольше всего сохранилось среди

булгар Дагестана. Первичное значение этого названия было – "большое", "могущественное" или "главное войско". Логически следующая отсюда интерпретация: "господствующий народ – в орде или государстве". Возможно, в связи с этим, имело место соперничество между булгарами и акацирами ("старшее войско"), которые, скорее всего, были сходными конкурирующими этносоциальными группами или даже "кастами" в составе рыхлой конфедерации гуннов. Кроме этого, между ними могла быть также языковая или диалектная дифференциация. В результате булгары оказались в этой борьбе победителями. Именно форма "бунгар" имела со временем реальную возможность превратиться в этноним монголов (ср.: монголы, мунгалы). Это, скорее всего, действительно имело место на территории Монголии уже через много лет после исчезновения там государства хунну, благодаря контактам "остаточного" (гуннского, болгарского?) населения с предками самих монголов. Этноним "булгар" также мог трансформироваться в другие близкие ему названия, такие, как топоним Мангазея среди самодийцев Сев. Сибири, озеро Балхаш в Казахстане и т.д.

В степях Волго-Донья и Сев. Предкавказья, на стыке трёх волн ранних гунно-булгарских кочевников – тюркской, монгольской и североиранской, как раз и мог возникнуть вариант исследуемого нами этнонима в форме "бургары" или "булканы". Возможно, он был связан с другим этнонимом некоторого ираноязычного населения степи – "бурганы" или "бурджаны". Не исключено, что последний народ был известен в источниках еще с сер. III в. н.э. как буругунды и получил от своих монголоязычных соседей (может, от сяньбийцев, т.е. серби) название "буругундур". Этноним же кочевников степях Вост. Европы, а позднее ещё и земледельческих обществ некоторых стран, например, на Нижнем Дунае и Средней Волге, хорошо знакомый нам как "булгар" или иногда ещё "булкар" (ср.: балкарцы или балкьярлилар), является уже позднейшей формой его употребления, которая могла закрепиться окончательно уже в Великой Булгарии. Он очень хорошо отвечает условиям функционирования как познетюркского (не чувашского), так и североиранского языков. Однако, на наш взгляд, всё равно этот этноним с начала обязательно был связанным с первоначальной формой "бунгар", которая возникла на стыке древнемонгольского и тюркского языков так называемого чувашского (или болгарского, или гуннского) типа. Для исследования истории кочевников Раннего Средневековья и ещё более давнего времени очень важным является анализ связей между тюркским и древнемонгольским компонентами в составе гуннов и ранних булгар. Также надо установить реальный вклад кочевого ираноязычного населения региона степей при формировании новых общностей, в том числе и булгар. Наша расшифровка названия этноса булгар не является какой-то окончательной, потому что благодаря их многоэтническому составу они могли трактовать свой этноним разнообразно, да еще и на протяжении меняющихся эпох.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРИ

1. Аммиан Марцеллин Римская история. – СПб.: «Алетейя», 1996. – 570 с.

2. Артамонов М.И. История Хазар. – Ленинград: Изд-во Эрмитажа, 1962. – 523 с.
3. Атаниязов С. Словарь туркменских этнонимов. – Ашхабад: «Ылым», 1988. – 179 с.
4. Ахинджанов С.М. Этнополитические процессы на территории Казахстана в кон. I тыс. н.э. (кимаки и кыпчаки) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана (история и археология). – Вып. 2 – М., 1990. – С. 106-117.
5. Баскаков Н.А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XI. Вып. 2. – Москва, 1952. – С. 121-134.
6. Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М.: Наука, 1985. – 211 с.
7. Бенциг И. Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. вып. 1. (Древние тюркские языки и лит.) – Москва: Наука, 1986. – С. 11-28.
8. Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: ЦИКР «Рифей», 2009. – 706 с.
9. Булатов А.Б. К этимологии этнонима «булгар» // Вопросы истории Чувашии. – Вып. XXIX. – Чебоксары: Чувашкнигиздат, 1965. – С. 259-261.
10. Бутба В.Ф. К семантике болгарских этнонимов «Ашхарацуйца» (опыт реконструкции процесса формирования общности). // Միտմի-բնիւմիբնիւմի հիւնդի (Ереван), 1989. – № 4. – С. 169-181.
11. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – Москва: Наука, 1980. – 224 с.
12. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Сев. Кавказа. – Москва, 1973. – 208 с.
13. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. – Ленинград, 1979. – 217 с.
14. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. – Москва: Наука, 1964. – 201 с.
15. Горелик М.В. Три племени кавар и савирский всадник // Хазары. II междунар. коллоквиум. Тезисы. – Москва, 2002. – С. 26-31.
16. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – Москва: «Клышников– Комаров и Ко», 1993. – 528 с.
17. Гумилев Л.Н. История народа хунну. – Москва: Люкс, 2004. – 704 с.
18. Давлетшин Г.М. О географических и исторических знаниях волжских болгар домонгольского периода // Из истории ранних болгар. – Казань, 1981. – С. 97-101.
19. Джафаров Ю. Р. О происхождении древних болгар // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. – Ч. I (1). – Москва, 1981. – С. 87-93.
20. Джафаров Юсиф Гунны и Азербайджан. – Баку: Азербайдж. гос. изд-во, 1993. – 107 с.
21. Димитров Д. Протоболгары Северного и Западного Черноморья (пер. с англ.) // Страница за прабългарите. Език, произход, история и религия в статии, книги и музика. – Варна, 1987. – С. 15-36.

22. Зориктуев Б.Р. Об этническом составе населения Зап. Забайкалья и Предбайкалья во второй пол. I – первой пол. II тыс. н.э. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – С. 121-130.
23. История Чувашской АССР. – Т. 1. – Чебоксары: чуваш. книг. издат., 1966. – 259 с.
24. Калинина Т.М. Сведения ранних ученых арабского халифата. – М.: Наука, 1988. – 186 с.
25. Калинина Т.М. Хазары и тюрки в восприятии средневековых арабо-персидских ученых // Хазары. II междунар. коллоквиум. Тезисы. – Москва, 2002. – С. 46-49.
26. Калинина Т.М. Сведения Шамс ад-дина ал-Мукаддаси о Хазарии // «Хазарский альманах». – Т. 8. – Киев-Харьков, 2009. – С. 187-202.
27. Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. – Чебоксары, 1965. – 484 с.
28. Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Бишкек, 2003. – С. 115-125.
29. Кляшторный С.Г. Азійський аспект ранньої історії хозар // «Хазарский альманах». – Т. 2. – Харьков, 2004. – С. 47-51.
30. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – Спб., 2005. – 346 с.
31. Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. – Махачкала, 1974. – С. 181-231.
32. Крадин Н.Н. Империя хунну. – 2-е изд-е. – Киев: Логос, 2002. – 312 с.
33. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – Москва: Наука, 1974. – 288 с.
34. Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источн. – Алма-ата, 1972. – 158 с.
35. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – Москва: «Восточная литература» РАН, 1997. – 321 с.
36. Львова З.А. «Гази-Барадж тарихы». Вопрос о подлинности летописи // Археологический сборник. – Вып. 36 – СПб: Гос. Эрмитаж, 2003. – С. 134-141.
37. Маенхен-Гельфен О.-Дж. Мир гуннов: исследование истории и культуры (пер. с англ.). – Казань: Слово, 2010. – 528 с.
38. Мерперт Н.Я. Древнейшие болгарские племена в Причерноморье // Очерки истории СССР III-IX вв. – Москва, 1958. – С. 586-615.
39. Мизиев И.М. О болгаро-балкаро-карачаевских параллелях // Ранние болгары и финно-угры в Вост. Европе. – Казань, 1990. – С. 101-108.
40. Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар-Киев. Пути - Связи - Судьбы. – Киев, 1997. – 192 с.
41. Народы Кавказа. – Т. 1.– Москва: Издание института АН СССР, 1960. – 622 с.
42. Науменко В.Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганату // «Хазарский альманах». – Т. 2. – Харьков, 2004.– С. 52-74.

43. Николаев В.В. Иллюстрированная история чувашей. – Книга III. Античность-2 (с 1 г. н.э. до 500 г. н.э.). – Чебоксары: «Фонд историко-культ. исследований», 2007. – 156 с.
44. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – Москва: Наука, 1990. – 264 с.
45. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – Москва: Языки рус. культуры, 1998. – 384 с.
46. Полосин В.В. Этноним "булгары" в арабских источниках // Краткие сообщения VII научной сессии ЛО ИВ АН СССР. Ленинград, 1971. – С. 139-148.
47. Попов А.И. Названия народов СССР. – Ленинград: Наука, 1973. – 170 с.
48. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Ленинград: Изд-во Лен. ун-та, 1984. – 174 с.
49. Серебренников Б.А. Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд., 1957. – С. 28-47.
50. Сиротенко В.Т. Основные теории происхождения древних булгар и письменные источники IV-VII вв. // Ученые записки Пермского ун-та. 1961. – Т. 20. Вып. 4. – С. 3-41.
51. Сиротенко В.Т. Письменные свидетельства о булгарах IV-VII вв. в свете современных им исторических событий // Славяно-балканские исследования. – Москва, 1972. – С. 195-218.
52. Томпсон Э.А. Гунны. Грозные воины степей. – Москва: Центрполиграф, 2008. – 256 с.
53. Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. – Харьков: ХГАК, 2006. (1-е издание.). – 554 с.
54. Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние булгары на Сев. Кавказе // Из истории Карачаево-Черкесии (труды КЧНИИ), 1970.– Вып. VI. – С. 336-372.
55. Финник С.В. Этноним кочевого народа «булгар» и его интерпретации // Харьковский археологич сборник. – Вып. 8. – Харьков: Мачулин, 2011. – С. 51-94.
56. Финник С.В. Исследование происхождения этнонима «булгар» // Харьковский археологический сборник. – Вып. 9. – Харьков: Мачулин, 2011. – С. 45-54.
57. Финник С.В. Об этнических названиях оногундуров и булгар // Харьковский археологический сборник. – Вып. 10. – Харьков: Мачулин, 2012. – С. 84-94.
58. Финник С.В. К вопросу об обозначении народа булгар в источниках // Харьковский археологический сборник. – Вып. 11. – Харьков: Мачулин, 2012. – С. 30-43.
59. Халиков А.Х. Основные этапы истории и археологии ранних болгар в Среднем Поволжье и Приуралье // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань: Акад. Наук СССР, 1989. – С. 16-23.
60. Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. – Москва: Росспэн, 1997. – 512 с.